

Михаил Шильман

ПОЛИЧНОЕ, ИЛИ РЕСТАВРАЦИЯ СИСТЕМЫ

Антикультура, рассматриваемая как маргинальная, приграничная, одновременно очерчивает культурную сферу и расширяет её границы. Её коренное отличие от контр-культуры заключается в том, что антикультура «принадлежит» культуре, а не находится извне. Если говорить точнее, то пограничное положение антикультуры обуславливает как её сходство в ряде аспектов с контр-культурными феноменами, так и в других аспектах – с культурными феноменами. Тем самым антикультура мыслится альтернативной культуре в том смысле, что она – «противовес» т. н. «официальной культуре» или «массовой культуре». Это диспозиция есть оппозиция границы и центра, где

16

положение обоих агентов постоянно меняется. Итак, если «массовая культура» олицетворяет центростремительные тенденции, то антикультура отвечает за тенденции центробежные.

Поскольку центр занимает «официальная культура», определяющая своего рода «культурный оптимум», то смещение положения этого центра возможно двумя способами. Способ «контр-культурный» состоит в том, чтобы новые планы новой партии стали новыми планами народа – это задание нового как должного. Способ «анти-культурный» состоит в том, чтобы дискредитировать старое путём спонтанного и нецелевого расширения границ того, что считается культурным. Если культурное поле представить как неправильную фигуру с определёнными краями, а культурный оптимум – как точку, тяготеющую к центру масс этой фигуры, то можно либо а) сдвигать эту точку, воплощая в жизнь ту или иную теорию, либо б) локально и спорадически менять края фигуры, что приведёт к смещению самого центра масс, а следовательно, – и к изменению оптимума.

Способ действия контр-культуры (вариант а) – попытки реализовать (осуществить) культурную систему с иной центрацией. Следовательно, всякая теория, сознательно ориентированная на перепланировку культурной сферы с заданием иных ценностей, иерархий и, соответственно, «центра», возводит систему, которая по определению состоит в контрах с имеющейся системой. Контр-культура пытается произвести революцию и оккупировать центр культурными нормами, сформированными на замену существующим.

Способ действия антикультуры (вариант б) – не имеющая продуманной цели практика дискретной децентрации культурной системы. Антикультура активизирует энергию выхода за черту известных норм культуры и, в определённой степени, тем самым «выпускает пар». То есть, она действует как предохранитель от культурного коллапса,

17

под которым понимается полное господство центростремительных сил, означающее совпадение массовой, официальной, традиционной и проч. культур.

Принципиально то, что среди функций антикультуры можно обозначить 1) конструктивные, 2) деструктивные и 3) деконструктивные. Именно деконструктивные функции – отличительный элемент антикультуры. При безусловном наличии определённой доли конструктивизма антикультуры (нечто новое порождается), она не столь высока, как у официальной культуры. При очевидной склонности к разрушению (что-то всегда атакуется и разрушается), она не столь высока, как у контр-культуры. Как раз деконструкция как – в самом общем смысле – разрушение/ созидание и есть визитная карточка антикультуры. В этом смысле, появление Шивы как олицетворение деконструкции, разрушения-для-созидания неудивительно.

Поэтому, за счёт скорее интуитивного, чем расчётливого «соблюдения пропорций» антикультура располагается в «зазоре» между контр-культурой и официальной культурой.

В этом зазоре специфическими приёмами расчищается место чему-то новому, даётся возможность новому зародиться и, при удачном исходе, стать, но само это новое не возводится по заранее известному плану.

Можно сказать, что антикультура нацелена на достижение такого состояния, когда последний тезис Маркса о Фейербахе остаёт-

18

ся в силе, но весь мир насилья разрушать до основания не считается целесообразным.

Собственно, и целей-то никаких антикультурой не ставится, – она не атакует культурные основания и не призывает к перестройке на новый лад. Строго говоря, антикультура вообще не преследует никакого конкретного, заведомо представленного «лада». Она не предлагает никакого определённого устройства, но проповедует расстройство имеющегося. При этом подразумевается, что возможная новая конфигурация (строй) возникнет «сама собой» после того, как имеющаяся конфигурация основательно расшатается.

В этой точке у антикультуры есть много по форме общего с анархизмом. Подобно тому, как анархия «появляется» в промежутке между различными формами власти, но сама никакой определённой формы власти не преследует, антикультура «существует» в локальной зоне расширения культурного поля, установлением какого-либо определённого набора культурных норм не озабочиваясь.

19

Михаил Шильман

ЭКСТРАДИЦИЯ АНТИКУЛЬТУРЫ

Всякий сложный состав отягощён суставом невидимого дефиса. Авторское понятие «антикультуры» крепится на внутреннем шарнире, оно балансирует между тем, что имеет сотни определений, и оператором с конечным набором значений. И поскольку в исходном сообщении проводится мысль о сращивании обеих частей в единое целое феномена, критический взгляд нащупывает трещину в предлагаемом единстве. И провоцирует речь об «антикультуре».

Прежде всего, необходимо прорисовать видимую схему. Стартовое определение квалифицирует анти-культуру как принадлежащую культуре область (зону), которая в силу своей маргинального положения как бы очерчивает (и отчерчивает) расширяющуюся культурную сферу, не будучи никоим образом «вне культуры». Уже в силу этого анти-культура предстаёт как альтернатива некоему «культурному ординару». С одной стороны, антикультура, как своеобразный передний край (он же – задворки) культуры, несёт потенциал расширения культурной сферы и тем акцентирует внимание на общепризнанных пределах и нормах. С другой стороны, она противодействует центростремительным тенденциям, ведущим к тотальной власти этих норм, превращающей культуру в целом в «массовую» или «официальную».

Анти-культура - как некий фронт окультуривания – не углубление, но расширение культурного ареала посредством присоединения тех «земель», что считались бесплодными, запредельными и чей статус определялся как «terra incognita». Анти-культура как сила, разрушающая между тем, что принадлежит и не принадлежит культуре, сродни диверсанту. Деконструируя границы «нормальности»,

20

она явно разрушает имеющиеся критерии и неявно созидает новые (или, способствует созиданию).

1. Итак, центробежный характер анти-культуры и её ориентация «вовне» очевидны. Энергия разрушения стереотипов (или того, что составляет *ordnung* черпается из напряжения, возникающего из оппозиции «центр» – «периферия». Пусть даже положения обоих членов оппо-

зиции имеют лишь текущую фиксацию, – анти-культура всегда олицетворяет «противодействие». Тем самым и утверждается действие «норма(ль/тив)ной культуры», и подразумевается некая результирующая этого «взаимодействия». Не сталкиваемся ли мы в таком случае с классической (гегелевской) оппозицией «тезис – антитезис – синтез», которая звучит как «культура – анти-культура – иная культура»? Пусть даже положения обоих членов этой оппозиции имеют лишь текущую фиксацию, анти-культура выступает как анти-«массовая/официальная» культура и для своего определения нуждается в культуре, обладая «зависимым бытием».

«Антикультура как разрушение» зависит от того, что она разрушает. Её негативное определение напрямую связано с позитивным определением того, по отношению к чему оправдано различающее «анти-». А значит, «движению» анти-культуры должно предшествовать «создание» той самой массовой/официальной культуры и наделение её свойствами центра (или «ядра») для того, чтобы определиться с маргиналиями. Не свидетельствует ли это о парадоксальной ситуации, в которой скрытым пафосом анти-культуры следует считать построение того, разрушению чего во имя (его же) созидания заведомо выносится оправдательный приговор? Ведь выходит так, что для своего (про)явления анти-культуре жизненно необходима традиционалистская среда и схема, оправдывающие «возникновение» (а, по существу, изобретение) анти-культуры и дающие санкцию на существование последней.

21

Тогда «антикультура» – это и предел культуры, и санкция культуры. Ведь построенное здание есть санкция на (своё) разрушение. Или, в самом общем виде: устройство санкционирует расстройство. То, что устроено, можно и на-строить, и рас-строить. «Антикультура» как бы о-граничивает (надоевшую) правильность, но тем – *volens-nolens* – расширяет сферу правильности. И тем самым как бы отвечает за скандальное само-отличие культуры.

2. Впрочем, в современном культурном состоянии говорить о безусловном наличии какого-либо однозначного центра вряд ли приходится. Различные формы массовости, равно как и разновидности официальности образуют переменное множество силовых точек, каждую из которых анти-культурная тактика может выбрать в качестве своего заклятого визави. Тем самым она сразу трансформируется в анти- «вот эта культура». При этом никакая степень официоза или массовости не может нивелировать той особенности, которая в принципе присуща культуре вообще. Она замешана на иррациональности, а потому в её пределах никогда не может быть окончательно реализовано стремление к полной гомогенизации.

Всякая культура, безусловно, ищет (и создаёт) некий «оптимум», «среднее состояние». Находиться в нём означает: принадлежать культуре. Однако такой оптимум представляет собой не единственную точку, а скорее неправильную линию, соединяющую ординарные состояния разнообразных культурных практик. В этом смысле, искомый (анти-культурой) «ординар» сродни, например, изотерме (изобаре и т. п.). Он аналогичен линии, объединяющей точки одинаковой интенсивности по выбранному параметру и петляющей по пересечённому ландшафту картографированной местности.

Принципиально всё же то, что «принадлежать» чему-либо вовсе не означает «не вы-

22

деляться» из него. Наличие пусть даже и надуманного, пунктирного и непостоянного ординара даёт жизнь всему неординарному. Сама идея ординарности порождает идею экстраординарности. В таком ключе любая «анти-культура» как демонстративное отличие от «среднестатистического», как действие по отделению от и выделению из общепринятого состояния, претендует на некое рас-стояние, т. е. на (эпатирующую) экстраординарность. Следовательно, анти-культура может рассматриваться как выделение (из) культуры.

Анти-культура выделяется из культуры = Культура выделяет анти-культуру. Ощущающаяся за кадром физиология – дополнительный бонус современной эстетике.

3. Нет сомнения, что анти-культура фокусирует внимание на своём конфликтном жесте, на заведомой интенсивности (само)выделения. Но для того, чтобы (не)заметно выделяться из (своей) среды, вовсе не обязательно действовать прямо и непосредственно. Опосредованное действие служит вполне эффективным средством, чьё применение вызывает не менее разрушительные последствия. Поскольку (взаимо)отношений антикультуре с культурой не занимать, раз они соотнесены по определению, то желаемое выделение возможно не только за счет разрушения сконструированных (самостоятельно) призраков. Достижение контрастного изображения возможно и за счёт акцентирования характерных нюансов (на манер афоризма в среде текста). И посредством орнаментации фрагментов, придающих остроту среде своего «пребывания».

Надо полагать, что экспрессивная «анти-культура» с нерадикальной точки зрения может быть заменена/переписана как «экстра-культура». «Экстра» несёт в себе смысл «лучшего», «отборного» и «отдельного». Это нечто сверх (имеющегося), вне (наличествующего), дополнительное (к очевидному).

23

Если «анти-культурные практики» растворены в культуре, то (удачная) попытка их сконденсировать (выделить) – это получение какого-то экстракта или вытяжки, извлечение определённого компонента «первоматерии». С последующим «сгущением» его в относительно малом объёме «феномена».

Подобный экстракт может быть назван «антивеществом» - тем, что из культуры (как вещества) выделяет(ся) в качестве фермента, сопутствующего жизнедеятельности, но смертельного в концентрированном виде и в больших дозах. На получение этого цели(губи)тельного элемента в «чистом виде» и направлена деятельность экстрагентов (или даже экстра-агентов), в поведении которых неизбежно сходятся в причудливых сочетаниях крайние степени – например, «эстетизма» и «бескультурия».

В таком разрезе «анти-культура» видится как «экстракт крайностей» и «естественный отбор крайностей». Наиболее конструктивные её сочетания сами становятся «уже-не-крайними», т. е. со временем входят глубже в культурную практику, расставаясь со своим (еще недавно) претенциозным маргинальным статусом. Изменение геометрии краёв ведет к деформации линий ординара и наоборот.

И всякая экстраординарность, престаупающая границы экстравагантности, остаётся бессменным претендентом на главный приз в краткосрочной номинации «антикультура».

24